

Читайте также в серии:

«Смерть пахнет сандалом»

«Страна вина»

«Лягушки»

«Большая грудь, широкий зад»

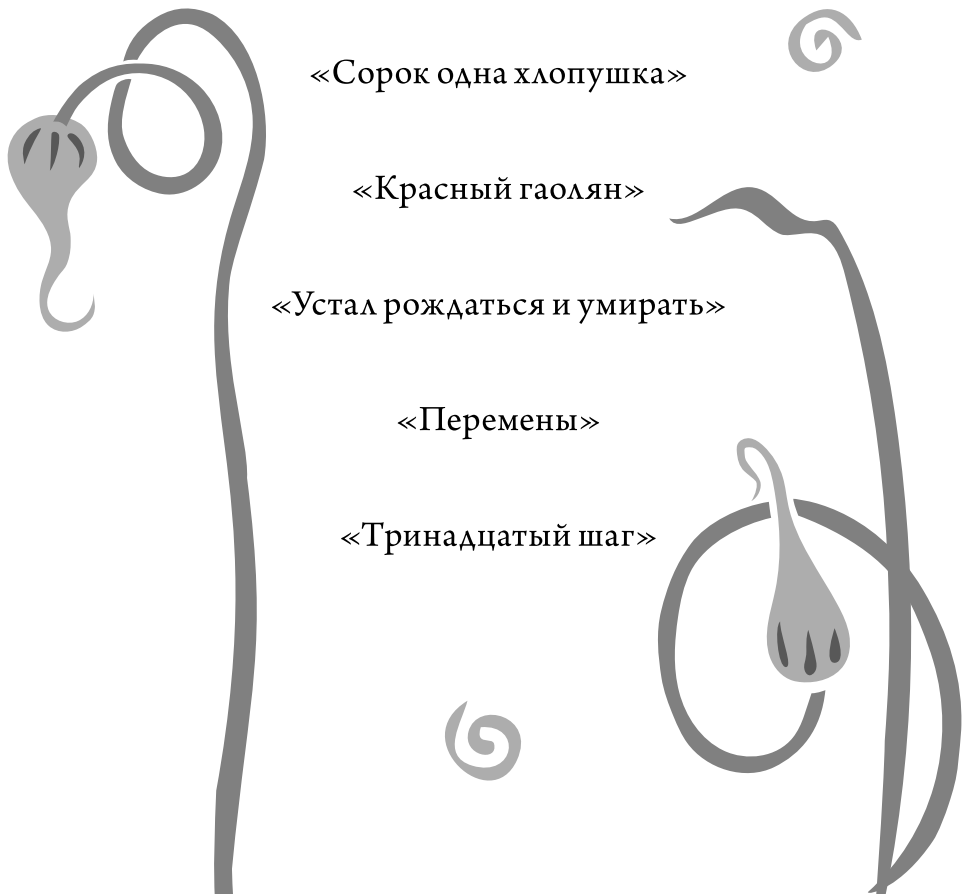
«Сорок одна хлопущка»

«Красный гаолян»

«Устал рождаться и умирать»

«Перемены»

«Тринадцатый шаг»

МО ЯНЬ

Чесночные
баллады

INSPIRIA

Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
М74

Mo Yan
THE GARLIC BALLADS

Copyright © 1988, Mo Yan
All rights reserved

Перевод с китайского *Кирилла Батыгина*

Перевод баллад *Кирилла Лопатина*

Литературный редактор *Ольга Немира*

Мо Янь.

М74 Чесночные баллады / Мо Янь ; [перевод с китайского
К. Батыгина, К. Лопатина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 432 с.

ISBN 978-5-04-224054-6

Райское местечко — наш славный уезд Тяньтан, где выращивают вкуснейшие побеги чеснока. Вот только не заладилось что-то: отказываются местные кооперативы покупать у крестьян-чесночников богатый урожай, упали цены, рухнули мечты о лучшем будущем, разгромили недовольные земляки уездную управу... Что случилось после — и что было до — столь явного беспредела вроде бы на пустом месте? И самое важное: кто именно оплатится в полном соответствии с законом за чесночный бунт?

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

© Батыгин К., перевод на русский язык,
2026
© Лопатин К., перевод на русский язык,
2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-224054-6

ГЛАВА 1

*Уважьте братья земляки, прислушайтесь ко мне
Зовусь Чжан Коу¹ и расскажу о Рае на земле
Там тучные раскинулись поля
Чиста вода бурлящая в реке
Прекрасных девиц и мужей без счету в тех краях
А их чеснок с подливой знают все*

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

— Гао Ян!² В тот полдень солнце жарило немилосердно. Долгая засуха измучила землю, грязная чесночная пыль вилась меж небом и землей, а в воздухе стоял смрад гниющих побегов чеснока. Утомленно пронеслась над двором стая сизых ворон, по земле пробежали блеклые серые тени. Собранные головки чеснока не успели сплести в пучки — беспорядочными кучами они лежали во дворе, жарясь под палящим солнцем и источая нестерпимое зловоние. Хмуря тяжелые, будто придавленные судьбой, брови, Гао Ян сидел на корточках подле низкого столика в передней комнате. Он держал в руках миску с супом из побегов чеснока и пытался подавить тошноту, подступающую из глубины желудка. Только он собрался против воли съесть содержимое миски, как услышал из-за полу-

¹ Как и топонимы, большинство китайских имен, особенно в сельской местности, говорящие и имеют конкретные смыслы. Имя нашего поэта-певца-сказителя можно расшифровать как «Чжан, которому затыкают рот». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Буквально — «Баран» или даже «Козел». Скрываются ли за этим отрицательные коннотации — открытый вопрос к уважаемым читателям. —

Мп Янь

раскрытой ветхой двери во двор тревожный оклик. По голосу он понял, что это сельский староста Гао Цзиньцзяо¹. Гао Ян поспешно отставил миску, громко крикнул в ответ и пошел во двор.

Гао Ян остановился на пороге передней комнаты и позвал:

– Дядюшка Цзиньцзяо, ты ли это? Может, пройдешь в дом?

Голос за дверью стал мягче:

– Гао Ян, давай уже выходи, срочное дело, надо обсудить.

Не желая быть неучтивым, Гао Ян повернул голову и сказал:

– Синхуа², не трогай ничего, а то обожжешься.

У обеденного столика сидела его восьмилетняя дочка Синхуа, слепая от рождения. Два неподвижных глаза — черных, как смола, с тусклым блеском — устали в пустоту, девочка была похожа на деревянную куклу. На выходе во двор раскаленная земля обожгла Гао Яну ноги, горячий воздух ударил прямо в лицо, глаза слезились. Он смахнул с груди засохшую глину и услышал крик новорожденного. Приходившая в себя после тяжелых родов женушка что-то бормотала, лежа на *кане*³. «Хорошо, что мальчик родился!» — Подумал он это с удовлетворением, вглядываясь в черный провал окна. Юго-западный ветер дохнул опаленным ароматом подоспевшей пшеницы, пора бы уже жатву начинать. Сердце Гао Яна вдруг отяжелело, по спине пробежал холодок. Очень хотелось придержать ноги, но те сами собой понесли его вперед. Едкая вонь побегов и головок чеснока разъедала глаза, текли слезы. Гао Ян провел рукой по глазам, зная, что не плачет. Просто слезы текут.

Открывая ворота, Гао Ян начал было:

¹ Буквально — «Золотой рог».

² Буквально — «Абрикосовый цвет».

³ Традиционная кирпичная или глиняная отапливаемая лежанка в крестьянских домах на севере Китая. Спальные места на печах в русских домах — близкий аналог *кана*.

ЧЕСНОЧНЫЕ БАЛЛАДЫ

— Дядя, что такое... Мать твою...

Перед глазами заколыхались бирюзовые полосы, точно запорхали в воздухе неисчислимы свежие побеги чеснока. Удар пришелся по лодыжке правой ноги — удар внезапный, тупой, тяжелый, — будто рваной болью по сердцу и печени прошелся он. Прикрыв глаза, Гао Ян неясно ощутил, как рот его издал истошный крик, тело невольно накренилось вправо, и тут же удару подвергся крюк левой ноги. Гао Ян завопил, тело выгнулось и необъяснимым образом само преклонилось на каменных ступенях перед воротами. Он хотел открыть глаза, но веки отяжелели — едкая вонь побегов и головок чеснока невыносимо щипала глаза, выбивая из них беспорядочные слезы. Гао Ян знал, что не плачет. Только хотел он поднять голову и утереть глаза, как две ледяные штурковины опустились ему на запястья, в глубинах обоих ушей легко отозвались два звонких лязга, в башку будто всадили две стальные иглы.

Много времени прошло, прежде чем Гао Ян смог открыть глаза, сквозь смутные слезы — я же не плакал, подумалось ему, — он увидел двух дюжих полицейских в белых рубашках и зеленых брюках с красными лампасами. Сначала Гао Ян увидел их бедра и колени: верхняя часть зеленых брюк была в каких-то белых разводах, нижний край белых рубах — в грязных подтеках, на широченных коричневых ремнях из искусственной кожи висели пистолеты и черные электродубинки, бляхи на ремнях отливали железным блеском. Он поднял глаза и увидел бесстрастные, совсем без эмоций лица. Не успел он и слова вымолвить, как полицейский слева ткнул ему в лицо белый лист с красной печатью и тихо, слегка заикаясь, сказал:

— Т-ты... Ты арестован.

Только тут Гао Ян понял, что его черные, как сажа, запястья сдавили сразу бросавшиеся в глаза стальные кольца. А между ними висела тяжелая белая цепь — она медленно качнулась, когда он вздернул руки. Вся кровь в нем будто свернулась от потрясшего его от макушки до ступней треску-

чего мороза и продолжала вяло, скованно вращаться в нем. Сжалось все его тело, втянулись внутрь оба яичка, кишка нервно перекрутилась, пролилась холодная моча, он почувствовал, что обоссался. Хотел удержаться, но не тут-то было. Услышал Гао Ян непонятно откуда летевшие слезные пере­ливы скрипочки-хуцинь¹, все мышцы в теле разом обмякли, тело обвисло. Прохладная моча полилась по бедрам, увлаж­няя ягодицы и загрязняя мозолистые ступни, он же стоял на коленях. Гао Ян слышал, как брызгалась и плескалась моча в мотне штанов.

Полицейский протянул холодную, как лед, руку, схватил его за локоть, дернул вверх и, все так же заикаясь, сказал:

— В-в... вс-ставай.

Совсем одурев, Гао Ян хотел было ухватиться за руку по­лицейского, стальные кольца на запястьях отдались сме­шливым «хи-хи-хи». Хихикали стальные кольца и заодно впивались в плоть. В панике Гао Ян ослабил хватку, повер­нул руки ладонями вверх, словно держал хрупкое сокро­вище.

— В-в... вс-вставай, — снова раздался в ухе торопливый голос полицейского. Гао Ян сделал усилие ногами и стал под­ниматься, но тотчас ноги уперлись в землю, лодыжка буд­то вспыхнула огнем, боль поразила его взрывной огненной волной. Тело подкосилось и снова осело на колени поверх каменных ступеней.

Полицейские подхватили Гао Яна под мышки с обеих сторон и подняли. Его ноги сжались, будто пружины, а щуп­лое тело безвольным маятником повисло на руках полицей­ских.

Полицейский справа, согнув колено, коротко вдарил Гао Яну по заду, боль в лодыжках куда-то ушла. Гао Ян дернул­ся, ноги опустились, встали на землю. Полицейские ослабили хватку, и заикающийся страж порядка тихо сказал ему:

— Ш.. шевелись, пош... пошел.

¹ Традиционный смычковый инструмент, обычно с двумя струнами. Нередко условно обозначается как «китайская скрипка».

ЧЕСТНЫЕ БАЛЛАДЫ

Голова кружилась, и, хотя Гао Ян знал, что не плакал, горячие слезы ключом рвались наружу — все вокруг было как в тумане. Полицейский снова подтолкнул его. От тяжести вгрызавшихся в запястья наручников Гао Ян вдруг понял, что произошло. Он набрался мужества, привел в движение онемевший язык и, не осмеливаясь расспрашивать полицейских, жалко уставился на стоявшего в сени завядшей софоры сельского старосту Гао Цзиньцзяо.

— Дядя Цзиньцзяо... Почему меня схватили?.. Я ничего дурного не делал...

Причитая, Гао Ян сознавал, что плачет, но слез не было, глаза пересохли и горели. Взывал он к обманом выманившему его со двора старосте. А староста спиной прислонился к дереву и, точно допрашиваемый старшими мальчишка, непроизвольно бился спиной о ствол софоры, лицо его перекосилось.

— Дядя, я ничего не нарушал, зачем ты меня обманом выманил? — крикнул Гао Ян. На плешивой голове старосты замерли, не желая проливаться вниз, крупные капли пота, скалил он рот, полный желтых зубов, словно готов пуститься наутек, словно готов был завывать.

Полицейский снова вдарил коленом Гао Яну по заду, поторапливая его. Тот вывернулся, посмотрел в лицо полицейскому, проговорил:

— Товарищ... Начальник... Может, по ошибке вы меня взяли? Меня зовут Гао Ян, вы точно ошиблись...

Полицейский-заика отозвался:

— З-за т-тобой мы п-пришли!

— Но меня зовут Гао Ян...

— А мы за Гао Яном и п-пришли!

— За какое прегрешение вы меня хватаете?

— В середине дня 28 мая этого года ты повел бунт против уездной управы! — бойко отозвался Полицейский-заика.

У Гао Яна перед глазами все потемнело, а голова устремилась к земле. Когда полицейские его подняли, он с поблекшим взглядом малодушно спросил:

— Так это преступление?

Мо Янь

- Конечно же, преступление. Вперед!
- Но я же не один такой, много там народу было...
- И ни один от нас не скроется!

Гао Ян опустил голову, думая, как бы половчее расшибить себе башку о стену дома, но двое полицейских — один слева, другой справа — удерживали его, так что он и пошевелиться не мог. Как сквозь сон донеслась до него волнующе скорбная песнь слепого Чжан Коу:

В десятый год республики¹, слышал,
В уезд Тяньтан² пришел юнец-нахал,
Невесть откуда красный флаг достал
И беднякам все подати оставить приказал
Глава уезда в Гаотуань³ всю солдатню послал
Когда поймали Гао Даи⁴, казнить его решил
А тот стоял грудь колесом в глазах огонь сверкал
Все коммунисты что твой лук — дорезать нету сил

В животе у Гао Яна стало жарко, ноги обрели некоторую силу, губы задрожали, а в голове возникла чудная мысль — безудержно захотелось выкрикнуть какой-нибудь лозунг. Глянув вбок, Гао Ян уперся взглядом в алый герб на фуражке полицейского и тут же ощутил стыд, позор, поспешно опустил голову, выпрямил руки и пошел вперед вместе со стражами.

¹ Эта деталь позволяет нам установить точный год. После развала Китайской империи, с образованием Китайской республики был введен новый «республиканский календарь», где каждый год отсчитывался от 1 января 1912 года. Соответственно, «десятый год по республике» — 1921 год.

² Буквально — «Рай», или «Парадиз», причем не в христианском смысле, а скорее как небесная обитель, сфера обитания всевозможных богов и духов.

³ Наиболее вероятно, это родовое поселение, где живут представители местного клана Гао. — *Прим. перев.*

⁴ Буквально — «Великая справедливость». У китайцев, особенно мужчин, могут быть разнообразные дополнительные имена, которые обыгрывают те или иные обстоятельства их жизни. В данном случае весьма вероятно, что поэт-песенник придумывает некому из рода Гао такое прозвище.

ЧЕШНОЧНЫЕ БАЛЛАДЫ

За спиной раздался шорох, и, вывернув шею, Гао Ян увидел, как дочка Синхуа, сжимая в руке бамбуковую палочку с выжженным пожелтевшим орнаментом, нащупывала дорогу. Девочка дошла до каменных ступеней у ворот, стук ее палочки был отчетливым, прямо колот сердце. Рот Гао Яна непроизвольно скривился, и потекли вдруг горячие слезы. Он знал, что разрыдался. Он хотел подать голос, но в горле будто застрял раскаленный ком.

Синхуа была нагая выше пояса, на ней были алые трусики, а на ногах — красные пластиковые туфельки, шнурки которых уже несколько раз рвались и теперь вместо них болтались черные толстые нитки. На животе и шее девочки пятна пыли, на остриженной по-мальчишески ежиком головке настороженно оттопырились два белых уха. Гао Ян через силу сглатывал подступивший к горлу ком, но тот все не сглатывался.

Синхуа высоко задрала ногу — Гао Ян никогда не обращал внимания, какие длинные стали у дочки ноги, — и перешагнула через порог, встала на каменную ступень, где он только что стоял на коленях. Девочка легко опиралась на палочку — та возвышалась над ее головой на треть метра, — и он с удивлением заметил, что дочь подросла до половины дверного косяка. Гао Ян все сглатывал тот вязкий горячий ком, наблюдая, как дочь трет непроглядно темные глаза на сероватом, как отверстие печки, личике. В этих глазках почти не было белизны, стояла в них гнетущая чернота лесной чащи. Девочка слегка склонила голову, выражение ее лица вдруг стало не по годам взрослым. Сначала она, как бы спрашивая, позвала:

— Па-ап?..

Потом во все горло:

— Папа!

Гао Ян все пытался проглотить этот ком, перегородивший горло, вместе со стекавшими в рот слезами. Полицейский-зак не уверенно толкнул его и тихо проговорил:

— Б-быстр... Быстрее... М-может, через несколько дней отпустят...

Гао Ян уставился на слегка заискивающее лицо Заикающегося полицейского, и у него разом содрогнулись желудок и гортань, верхняя и нижнюю челюсть сами по себе раздвинулись, извергая белую пену и синеватые нити слюны, горло очистилось, и он, ухватившись за этот самый миг, крикнул:

— Синхуа!.. Маме скажи...

Ком снова подступил к горлу, не дал ему договорить.

Гао Цзиньцзяо, сгорбившись, подошел к каменным ступеням и сказал девочке:

— Иди домой, скажи маме, что твоего папу забрали в полицейский участок.

Гао Ян увидел, как дочь осела и плюхнулась на порог, от того, как резко она села, тело завалилось назад, но девочка тут же оттолкнулась одной рукой от земли, а другой она оперлась на палочку и взметнулась, точно прыгунья. Ему оставалось только смотреть, как у дочери раскрывается рот, будто она кричала. В ушах у Гао Яна волнами накатывал гром, и ничего другого он уже не слышал. Он ощутил, как подступает тошнота. Дочь беззвучно и бешено скакала, напоминая отстеганную плетью и понукаемую железной цепочкой обезьянку. Резной палочкой она колотила по каменным ступеням, била по прогнившему дверному косяку, ударяла по усохшей земле, пока на той не проступили белые вмятины.

Со двора послышался крик жены. Полицейские рывкнули в один голос:

— Староста Гао, вперед — показывай дорогу!

И затем безо всяких разъяснений стражи вцепились в локти Гао Яна и потащили его волоком, точно нашкодившего хилого озорника, в дальний угол деревни.

РАЗДЕЛ ВПРЯЙ

Гао Яна так грубо тащили, что сердце его колотилось, дыхание сбилось, а все тело залил вонючий пот. Встав на ноги, он глянул на черневшую вдалеке софоровую рощу. С западной стороны рощи виднелся домик на три комнаты из крас-

ного кирпича под черепичной крышей. Гао Ян сам редко бывал в дальнем углу деревни и не знал, чье это жилье. Полицейские доволокли его до софоровой рощи и выпрямились, переводя дыхание. Гао Ян заметил, что у них пропотели плечи и рубашки под ремнями, — в душе его шевельнулись уважение и жалость. Ссутулившись, Гао Цзиньцзяо зашел в рощу и тихо проговорил:

— В домике... Я подкрался к окну, там на *кане* развалился и дрыхнет...

— Как... Как к нему подступиться? — Полицейский-заика посмотрел на товарища. — Пускай его снова выманивает староста Гао? Этот паренек из служивых, боюсь, мы так просто его не возьмем.

Гао Ян сразу догадался, кого они собирались схватить. Гао Ма¹, они точно пришли за Гао Ма! Он с отвращением глянул на плешивого Гао Цзиньцзяо: как жаль, что нельзя вырваться и вцепиться ему в глотку. Но ярость тут же пошла на убыль, и Гао Ян пожелал, чтобы полицейские нахватили побольше народу ему за компанию. Если нахватают побольше мужиков из всей деревни, то и жене на сердце будет легче, подумал он. Пускай уж хватают Гао Ма, и в тюрьме должен быть глава, а Гао Ма — лучший голова из всех возможных.

— Не надо, вломимся и схватим его, а если что — дубинками повалим! — отозвался второй полицейский.

— Начальник, если я больше не нужен, то я пойду, — выдал из себя Гао Цзиньцзяо.

— Как так — не нужен? За ним смотри!

Гао Ян с ненавистью поглядел на Гао Цзиньцзяо.

— Начальник, не выйдет, я за ним не усмотрю, того и гляди убежит, я на себя такую ответственность брать не хочу. — Гао Цзиньцзяо посмотрел на Гао Яна, но тут же отвел взгляд в сторону.

Полицейский-заика вытер рукавом пот на лице.

— Гао Ян, с-сбежишь, а?

¹ Буквально — «Конь».

Сердце Гао Яна вмиг обуял злобный огонь, и он вдруг буркнул сквозь зубы:

— Сбегу!

Полицейский-заика захихикал, обнажив два острых, как у тигра, клыка.

— Т-ты слышал, он б-бежать с-собрался! К-куда б-бежать монаху от обители...

Полицейский-заика достал из кармана сверкающий ключик, повозился между наручников и со скрежетом снял их. Полицейский смерил Гао Яна довольной улыбкой. Гао Ян потрогал оставленные въедливыми наручниками пурпурные следы, и его накрыла волна признательности. Он снова пустил слезы. И мысленно настойчиво призвал себя: только отплакался — и снова за слезы, а вроде как не плакал.

Гао Ян с надеждой посмотрел снизу вверх на полицейского и спросил:

— Товарищ полицейский, значит, мне можно домой?

Полицейский переспросил:

— Домой? Домой мы тебя доставим когда-нибудь, но не сейчас.

Полицейский-заика подмигнул напарнику, тот зашел Гао Яну за спину и резко толкнул его, да так, что Гао Ян ударился о софору. В тот миг, когда нос больно ударился о шероховатую кору, Полицейский-заика схватил его за обе руки, и, не дожидаясь реакции Гао Яна, стальные кольца снова опустились ему на запястья. Остался Гао Ян стоять в обнимку с софорой толщиной с приличную миску, не имея возможности видеть свои руки. Наручники приковали его к дереву. В ярости Гао Ян стукнулся лбом о софору, зашелестела листва, взлетела цикада, шею обдало ее студеной мочой.

Донесся голос полицейского-заики:

— Т-ты разве не б-бежать с-собрался? Ну и беги, д-дерево с с-с-собой з-забери, т-ты с д-деревом в об-обнимку б-беги!

Гао Ян выгибался всем телом, твердые и острые шипы софоры впивались в живот, казалось, будто пронзали и кишки, он почувствовал, как резко те дернулись. Чтобы отделаться

ЧЕСНОЧНЫЕ БАЛЛАДЫ

от иглы в животе, ему пришлось что есть силы рвануть назад обе руки, преодолевая боль от вгрызавшихся в запястья пружинных оков. Выгнув спину и свесив голову, Гао Ян увидел, как черно-красная игла вышла из его живота, на кончике ее висел завиток белых волокон. Из дыры в животе медленно просочилась капля крови, тоже черно-красная, такого же цвета, что и плоды софоры. При опущенной голове Гао Ян также заметил, что обмоченные подштанники уже наполовину просохли, а края мочи образовали изломанный узор, похожий на скопление облаков на горизонте. Взгляд упал на правую щиколотку — она разбухла и посинела, изодранная кожа гармошкой собралась сбоку от шишки, сильно напоминала сброшенную белой змеей шкуру.

Гао Ян вывернул тело, уворачиваясь от шипа, и ненавистным взглядом стал следить за тем, куда направлялись ноги полицейских. Четыре обутые в кожаные ботинки ноги были присыпаны спереди обильной пылью, но все равно блестели на свету. Гао Ян подумал, что если бы они были в матерчатой обуви, то нога не опухла бы так сильно. Он подвигал ногой, и та отозвалась острой, жгучей болью надтреснутого сустава. Глаза заволокли слезы, но он продолжал убеждать себя: «Гао Ян, ты слезы пролил, но еще не плакал!»

Двое полицейских, один с пистолетом наготове, другой с черной дубиной наперевес, крадучись подбирались к дому Гао Ма.

Восточная стенка двора Гао Ма наполовину обвалилась, остались только кирпичи цоколя высотой с полметра, полицейские без труда перешагнули их. Двор был как на ладони: два поникших листов айланта у основания западной стены, под их сенью лежало, тяжело дыша, несколько кур, по земле разлился серебром солнечный свет. Сияние, напоминавшее накалившую фольгу, расстилалось по нагроможденным во дворе гнилым побегам чеснока. Над кучей поднимался едва заметный белый пар. Гао Яна затошнило, хотелось выbleваться. После того как в прошлом месяце цены на побегии упали, у него эти тонкие, длинные, блестящие штучки стали